

**АРМЕЙСКОЕ ОФИЦЕРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ 1905 – 1907 ГГ.
В РОССИИ**

**ARMY OFFICERS AND THE RUSSIAN REVOLUTION
OF 1905 – 1907**

Валерий СУРЯЕВ

Научно-исследовательский институт
Вооруженных Сил Республики Беларусь
sverbihin7@mail.ru

Rezumat: Corpul de ofițeri ai Armatei și Revoluția rusă din 1905 – 1907

În acest articol se examinează poziția sociopolitică a ofițerilor Armatei Ruse în contextul evenimentelor din anii primei Revoluții ruse. În vederea analizei atitudinilor manifestate de către reprezentanții corpului ofițeresc autorul a apelat la mărturiile contemporanilor, la informațiile identificate în presa de la începutul secolului XX în diverse fonduri arhivistice. Se ajunge la concluzia potrivit căreia, în pofida unor cazuri de implicare în activitatea revoluționară a unor ofițeri, în ansamblul său corpul ofițeresc a rămas fidel jurământului prestat și a acționat, de regulă, în limitele cadrului normativ schițat de regulamentele militare și legile Imperiului Rus.

Abstract: Army Officers and the Russian Revolution of 1905 – 1907

This article examines the socio-political position of the Russian Army officers into the context of the events of the First Russian Revolution. In order to analyze the attitudes of the officer corps representatives, the author appealed to the testimonies of contemporaries, to the information identified in the prints of the early 20th Century, or in various archives. It concludes that, despite some cases of officers' involvement in the revolutionary activity, the officer corps as a whole remained faithful to their oath and acted, normally, within the regulatory framework outlined by the military regulations and by the laws of the Russian Empire.

Résumé: Officiers de l'armée et la Révolution russe de 1905 – 1907

On consacra l'article ci-joint à la situation sociale et politique des officiers de l'Armée russe dans le contexte des événements des années de la première Révolution russe. En vue de l'analyse des attitudes manifestées par les représentants du corps d'officiers, l'auteur y fit appel aux témoignages des contemporains, aux informations qu'on identifia dans la presse du début du XX-ème siècle, en divers fonds d'archives. On arriva à la conclusion conformément à laquelle, malgré quelques cas d'implication des officiers dans l'activité révolutionnaire, en général, le corps

d'officiers resta fidèle au serment prêté et agit, d'habitude, dans les limites du cadre normatif ébauché par les règlements militaires et les lois de l'Empire Russe.

Keywords: *Officers, revolution, political parties, mass riots, the use of weapons*

Вступление

В течение длительного времени в Советском Союзе и на постсоветском пространстве исследование проблем истории офицерского корпуса Русской армии практически не осуществлялось. При этом описание отдельных сторон его жизни и деятельности носило, как правило, необъективный характер. К числу вопросов, освещавшихся поверхностно и предвзято, относилась и проблема роли офицерства в революционных событиях в стране. Командный состав армии изображался в виде социального субъекта, слепо выполнявшего распоряжения господствовавших классов, готового в любой момент бездумно использовать силу оружия против собственного народа.

В западной историографии также затрагивались лишь отдельные аспекты истории русского офицерства¹, в число которых его роль в социально-политических событиях в стране не входила.

В настоящей статье предпринимается попытка с позиций историзма рассмотреть отношение офицерства к событиям 1905 – 1907 годов, показать неоднозначность его социального поведения, отстраненность от политической жизни страны и в то же время – участие в борьбе не только с погромами и уличными бесчинствами маргинальных элементов, но и народными выступлениями.

¹ Например: J. Snyder, *The Ideology of the Offensive: Military Decision Making and the Disasters of 1914*. Ithaca, London, 1984, p. 165-198; D. A. Rich, *The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia*, Cambridge (MA), London, 1998; B. W. Menning, *Pieces of the Puzzle: The Role of Iu. N. Danilov and M.V. Alekseev in Russian War Planning before 1914*, in "International Historical Review", vol. 25, № 4 (December 2003), p. 775-798; B. W. Menning, *The Offensive Revisited: Russian Preparation for Future War, 1906—1914*, in D. Schimmelpennick van der Oye, B.W. Menning (eds.), *Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution*, Cambridge, 2004, p. 215-231; B. W. Menning, *War Planning and Initial Operations in the Russian Context*, in R. F. Hamilton and H. H. Herwig (eds.), *War Planning 1914*, Cambridge, 2010, p. 80-142 и др.

Насилие как метод политической борьбы в России в начале XX века

Внутриполитическая и социально-экономическая обстановка в Российской империи в начале XX века была нестабильной. Значительная часть крестьянства и рабочего класса выражала недовольство уровнем жизни, интеллигенция и буржуазия выступали за реформирование политической системы. Как писал Л. Н. Толстой, „...престиж царской власти... не переставая, падал и упал в последнее время так, что во всех сословиях никто уже не стесняется, смело осуждать не только распоряжения правительства, но самого царя и даже бранить его и смеяться над ним”².

Еще более осложняла ситуацию девальвация традиционных морально-этических ценностей, негативно влиявшая на общественные настроения. Беззастенчивость в достижении личных целей и стремление к максимальному обогащению стали своего рода модой. Современник с горечью отмечал: „Положение в широких общественных кругах дают почти исключительно деньги, причем никто не интересуется способом их приобретения. Добыты ли они воровством..., грязными адвокатскими делами или темными коммерческими спекуляциями – это безразлично, лишь бы деньги были”³.

Подобное положение вызывало эскалацию социально-политической напряженности, переросшую в революцию 1905-1907 гг. Безусловно, она была вызвана глубинными причинами политического и экономического характера. Однако немалую роль в ее генезисе сыграла деятельность либеральных и революционных сил, а также определенных слоев беспартийных граждан, принадлежавших к образованной части общества и демонстрировавших свою оппозиционность власти. В этой связи В. В. Шульгин вспоминал: „...настолько была... распространена известного рода партийность в мире адвокатском, писательском, артистическом, ученом, что не разделявшие оппозиционно-революционных доктрин сейчас же попадали на черную доску: перед ними закрывались все двери”⁴.

² Письмо Л. Н. Толстого Николаю II [The Letter of L. N. Tolstoi addressed to Nikolai II], in Библиотека думающего о России, http://www.patriotica.ru/history/tolstoy_letter.html (дата обращения: 08.11.2014).

³ Е. И. Мартынов, *Назревшие реформы* [Overdue Reforms], in А. И. Каменев, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов, А. Е. Савинкин (составители), *Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания* [The Officer Corps of the Russian Army: the experience of self-discovery], Москва, Русский путь, 2000, с. 316.

⁴ В. В. Шульгин, *Что нам в них не нравится* [What We Do Not Like Them For], С.-

Говоря об использовавшихся в ходе революции средствах политической борьбы, следует подчеркнуть, что они носили многообразный и неоднозначный характер – от мирных протестов до вооруженных выступлений и террористических актов. В повседневной деятельности тактику террора использовали эсеры, эсеры-максималисты, анархисты, а также национальные политические партии в Царстве Польском и на Кавказе. Социал-демократы, как большевики, так и меньшевики, устами своих лидеров отрицавшие терроризм как метод политической борьбы в ряде случаев также были причастны к проведению террористических актов.

Относительно умеренная часть оппозиции, непосредственно не участвовавшая в терактах, своими действиями и заявлениями поддерживала, по сути, террористическую деятельность, осуществлявшуюся радикальными элементами. Так, кадеты добивались полной политической амнистии для сторонников терроризма, преследуя цель привлечь голоса новых избирателей. Тактику террора оправдывали и левые думские фракции, в том числе, трудовики и энесы (народные социалисты). Более того, в Государственной думе фракция кадетов заблокировала предложение П. А. Столыпина принять резолюцию, осуждавшую террор, несмотря на то, что тот в своем докладе сообщил о страшных цифрах: только с октября 1905 г. по апрель 1906 года по политическим мотивам в стране было убито 288 и ранено 383 государственных служащих⁵.

Всего же в 1905-1908 гг. террористами было убито 2563 должностных лица и 3616 частных лиц, ранено, соответственно, 2954 и 3998 человек⁶.

Для сравнения приведем число лиц, казненных по приговору суда в те же годы. Источники того времени приводят различные цифры казненных в 1905 – 1908 годах. Минимальное число составляет 1435 человек, максимальное – 2628 человек. Из них по приговору военно-полевых судов, рассматривавших дела, связанные с участием в революции, было казнено только 683 человека. Правоммерно сделать вывод, что остальные приговоры были вынесены обычными судами, в связи с

Петербург, Хорс, 1992, с. 41- 42.

⁵ А. И. Суворов, *Политический терроризм в России XIX - начала XX веков. Истоки, структура, особенности* [Political Terrorism in Russia in the 19th-the Beginning of the 20th Centuries. Origins, structure, features], in "Социологические исследования" [Sociological research] 2002, № 7, с. 57.

⁶ Н. С. Таганцев, *Смертная казнь: сборник статей* [The Death Penalty: a collection of articles], С.-Петербург, Государственная типография, 1913, с. 92.

совершением общеуголовных преступлений, носивших тяжкий характер. Подтверждением тому, что число смертных приговоров, выносившихся за участие в вооруженных выступлениях, было относительно небольшим, служат следующие данные. В 1906 – 1909 гг. за „государственные преступления, восстание и сопротивление” к смертной казни было приговорено 387 человек, за убийства – 1190 человек, за разбои и грабежи – 1197 человек⁷.

Между тем, по данным американского историка А. Гейфмана всего в период с 1901 по 1911 год жертвами политического терроризма стали 17 тысяч человек⁸.

Потеря идейных и нравственных ориентиров в обществе привела к тому, что осуществление террористических акций одобряла немалая часть населения страны. Занимавший в период революции 1905-1907 гг. пост начальника Петербургского охранного отделения жандармский полковник А. В. Герасимов отмечал, что „особенными симпатиями среди интеллигенции и широких обывательских, даже умеренных слоев общества пользовались социалисты-революционеры. Эти симпатии к ним привлекала их террористическая деятельность. Деньги в кассу их центрального комитета притекали со всех сторон и в самых огромных размерах”⁹. Иными словами, применение насилия в самых жестоких формах нередко поддерживали граждане, сами в политической борьбе не участвовавшие.

В свою очередь, власть вместо поиска путей общественного согласия использовала такую модель политического поведения, в основе которой лежало использование силы в отношении оппонентов. Какие-либо легальные политические институты, позволявшие вести борьбу в рамках закона, отсутствовали (первые шаги в этой сфере были сделаны только после опубликования Манифеста 17 октября 1905 г.), против оппонентов власти использовался репрессивный аппарат, народные выступления и волнения подавлялись войсками.

Подобное положение было обусловлено особенностями конкретно-исторического этапа в развитии страны: российское общество только приближалось к пониманию необходимости построения правового государства и гражданского общества, и в массовом сознании не были сформированы нормы и принципы демократии в их современном понимании.

⁷ *Ibid.*, с. 91.

⁸ А. И. Суворов, *указ. соч.*, с. 57.

⁹ Архив А. И. Суворов, *указ. соч.*, с. 57.

Общественно-политическая позиция армейского офицерства в период первой революции в России

В обстановке масштабных социально-политических потрясений офицерство оставалось едва ли ни единственным социальным слоем, стоявшим на позициях традиционной государственности. В громадном большинстве своем оно „... относилось с предубеждением не только к левой, но и к либеральной общественности“; при этом „государственный строй был для офицерства фактом предопределенным, не вызывающим ни сомнений, ни разнотолков. «За веру, царя и отечество»“¹⁰.

Скорее всего, именно это обстоятельство явилось главной причиной проявившейся в начале XX в. отчужденности офицеров от чиновничества, интеллигенции, буржуа и других образованных слоев общества. Современник отмечал, что „разношерстность... общества, состоявшего из людей самого различного воспитания, образования, из людей весьма пестрых этических понятий и политических воззрений, стояла в резком противоречии с душевным, духовным... единообразием и своеобразием офицерства“¹¹.

Несмотря на то, что в рассматриваемый период в стране появилось множество союзов и обществ политической направленности, организованных по профессиональному признаку (врачей, железнодорожников, учителей, банковских служащих и т.д.), современник отмечал, что к началу революции 1905 года „...специально военно-революционных организаций не было“¹².

В то же время, небольшая часть офицеров придерживалась оппозиционных взглядов, и в той или иной форме выступала против существовавшего государственного строя. Весной 1905 г. по инициативе нескольких слушателей военных академий состоялось учредительное собрание организации, получившей громкое название „Всероссийский офицерский союз“. Член ЦК этой организации С. Мстиславский впоследствии отмечал, что в программе союза говорилось о необходимости демократизации армии, а также выдвигались трафаретные требования членов гражданских

¹⁰ А. И. Деникин, *Путь русского офицера* [The Way of a Russian Officer], Москва, Современник, 1991, с. 58.

¹¹ Е. Месснер [и другие], *Российские офицеры* [The Russian Officers], in А. И. Каменев, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов, А. Е. Савинкин (составители), *Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания* [The Officer Corps of the Russian Army: the experience of self-discovery], с. 134.

¹² К. М. Оберучев, *Офицеры в русской революции* [Officers in the Russian Revolution], Издание «Первого русского издательства в Америке», [без года издания], с. 35.

союзов. По его воспоминаниям „...конкретных... задач союз пред собой не ставил“, кроме того, „... революционную работу вела очень маленькая группа офицеров...“¹³.

В практической деятельности организация проявляла пассивность и практически ничем себя не зарекомендовала. Так, С. Мстиславский в своих воспоминаниях упоминает только два факта революционной деятельности: вхождение осенью 1905 года трех членов союза в межпартийный комитет по подготовке восстания в Петербурге и подготовку им лично *Руководства к уличному бою*, изданного в 1906 году¹⁴.

Точное количество членов этого союза установить вряд ли возможно, но, судя по косвенным данным, оно было невелико. Б. В. Савинков писал, что в начале декабря 1905 года в Петербурге состоялось совещание эсеров и социал-демократов, на котором от офицерского союза присутствовал „некий поручик“. По словам последнего, в союзе числилось около 60 офицеров, преимущественно флота и гвардии. Однако Б. Савинков отметил, что поручик „явно преувеличивал, ибо не ответил на вопрос, какие части в Петербурге не будут стрелять в случае восстания“¹⁵.

В конце 1906 г. некоторые члены Всероссийского офицерского союза параллельно создали еще одну структуру, которая называлась „Военный союз партии социалистов-революционеров“. Организация, вошедшая в контакт с эсерами, имел свой печатный орган – журнал „Народная армия“¹⁶, и ставила задачу подготовки вооруженного восстания в Петербурге. Однако, хотя К. М. Оберучев, длительное время занимавшийся революционной работой в армии утверждал, будто благодаря „работе членов этого союза принадлежит целый ряд вооруженных выступлений войск в разных частях России...“¹⁷, в качестве доказательства он привел лишь один пример. Им оказалось происшедшее в ноябре 1905 года выступление инженерных подразделений в Киеве, возглавлявшееся подпоручиком Б. П. Жадановским, связанным с РСДРП(б). Кроме него, в выступлении участвовали еще 5 офицеров¹⁸.

¹³ С. Мстиславский, *Отрывки о пятом годе* [Excerpts of the Fifth Year], in “Каторга и ссылка” [Penal Servitude and Exile], 1928, № 2 (39), с. 16, 20.

¹⁴ *Ibid.*, с. 21, 32.

¹⁵ “Былое”, 1918, № 1 (29), с. 65.

¹⁶ К. М. Оберучев, *указ. соч.*, с. 37.

¹⁷ *Ibid.*, с. 38.

¹⁸ М. И. Ахун, В. А. Петров, *Восстание инженерных войск в Киеве* [The Rise of the Engineering Troops in Kiev], in “Красная летопись” [The Red Chronicle], 1925, № 3 (14), с. 132.

В 1908 году „Всероссийский офицерский союз” прекратил свое существование¹⁹; в 1909 году за принадлежность к нему были осуждены 5 человек²⁰.

Отдельные офицеры участвовали в революционных выступлениях. Так, штабс-капитан Н. А. Неплюев и прапорщик Н. А. Золотарев установили „в ноябре месяце 1905 года сношения с тайными солдатскими организациями... взяли на себя руководство солдатским движением...”. Подполковник Г. П. Коновкин и поручик Д. И. Домусчи выразили „...свою солидарность восставшим нижним чинам”, а поручик Осберг лично руководил „толпой восставших нижних чинов”²¹. Вооруженное выступление части гарнизона в крепости Свеаборг (июль 1906 года) возглавили члены большевистской партии подпоручик А. П. Емельянов и подпоручик Е. Л. Коханский²².

Подобных случаев, однако, было немного. В этой связи „Вестник русской конницы” писал: „... явно изменившие долгу и ставшие во главе бунтовщиков офицеры насчитываются единицами среди десятков тысяч лиц офицерского состава армии...”²³. Возможно, еще какая-то доля офицеров в душе была настроена оппозиционно, но в жизни и повседневной деятельности это не проявлялось. В любом случае, громадное большинство офицерского корпуса сохраняло верность присяге и отвергало революцию в принципе.

В то же время, офицерство не участвовало в политической жизни страны, и не оказывало помощи партиям и организациям, поддерживавшим государственные устои. Причина состояла в том, что офицерам строго запрещалось заниматься любой политической деятельностью. В соответствующем решении Совета Министров, утвержденном императором Николаем II, говорилось: „Всем офицерам и всем нижним чинам воспрещается:

а) входить в состав и принимать участие, в каких бы то ни было союзах, группах, организациях, товариществах, партиях и т. п., образованных с политической целью, а равно присутствовать на... собраниях, обсуждающих политические вопросы;

¹⁹ С. Мстиславский, *указ. соч.*, с. 19.

²⁰ М. И. Ахун, В. А. Петров, *Большевики и армия в 1905-1917 гг.* [The Bolsheviks and the Army in 1905-1917], Ленинград, «Красная газета» [Krasnaya Gazeta], 1929, с. 124.

²¹ *Приказ войскам Иркутского военного округа № 97* [Order for the Troops of Irkutsk Military District, No 97], in “Разведчик” [The Scout], 1908, № 911, с. 249.

²² “Народная армия” [The People's Army], 1907, № 1-2, с. 71.

²³ *Агитация в войсках* [Agitation in the Army], in “Вестник русской конницы” [Bulletin of Russian Cavalry], 1906, № 23, с. 1003.

б) принимать непосредственное участие или присутствовать в скопищах, сходках и манифестациях, какого бы они рода ни были”²⁴.

В случае нарушения требований приказа предусматривалась уголовная ответственность; если же нарушение было невелико, то офицера привлекали к дисциплинарной ответственности, вплоть до увольнения со службы. Следует подчеркнуть: приказ запрещал военнослужащим заниматься любой политической деятельностью, в том числе, направленной на поддержку существовавшего строя. Более того, возбнялось даже публичное выражение симпатий к политическим силам, боровшимся против революции. Например, в конце 1906 года в газетах появились сообщения о посылке командирами некоторых полков приветственных телеграмм в адрес съезда Союза русского народа, придерживавшегося монархической ориентации. В этой связи военный министр заявил, что „в виду приказов по военному ведомству 1905 года № 804 и 1906 года № 626, проводящих безусловный принцип внепартийности армии... таковые выражения сочувствия, хотя бы и правым политическим партиям, не должны быть допускаемы”²⁵.

Вынужденные находиться в стороне от социально-политической жизни офицеры в политических вопросах были некомпетентны, вследствие чего не могли бороться с агитацией, ведшейся среди солдат. Как писал А. И. Деникин „недостаточная осведомленность в области политических течений и особенно социальных вопросов русского офицерства сказала уже в дни первой революции...”²⁶.

В то же время, офицеры отнюдь не были людьми, оторванными от жизни. Говоря о революционных выступлениях, совпавших по времени с русско-японской войной, один из офицеров отмечал, что их „...цель состояла в том, чтобы сломить существующий режим. Так как достигнуть этого при победоносной войне ... труднее, чем во время войны неудачной, то наши радикалы не только желали поражений, но и старались их вызвать. Поражениям армии открыто радовались...”²⁷.

²⁴ Приказ от 19 декабря 1905 года № 804 [Order of December 19, 1905 № 804], in *Приказы по военному ведомству и циркуляры Главного штаба за 1905 год* [Orders for the Defense Ministry and the General Staff circulars for 1905], С.-Петербург, Военное издательство, 1905, с. 1352-1353.

²⁵ “Разведчик” [The Scout], 1907, № 854, с. 133.

²⁶ А. И. Деникин, *Путь русского офицера* [The Way of a Russian officer], с. 50.

²⁷ Н. Вишняков, *Пять лет военной публицистики* [Five Years of Military Journalism], in В. Ф. Новицкий (редактор), *Помни войну! Сборник статей на современные военные темы* [Remember the war! Collection of articles on contemporary military themes], Москва, Типография товарищества И. Д. Сытина, 1911, с. 66.

Другой офицер-фронтвик вспоминал: „Многие периодические издания, ... часто даром раздаваемые в госпиталях и тыловых учреждениях, были весьма усердными союзниками врага”²⁸.

Еще один участник войны с душевной болью писал, что шельмование своей армии в либеральной и революционной прессе, нескрываемое желание ее разгрома „... ошеломило... десятки тысяч раненых, возвратившихся из Манчжурии, и с моей стороны вызвало горький упрек обществу в статье *Тяжело ранен на Родине*, напечатанной в «Новом времени»”²⁹.

Несмотря на то, что правительство запрещало участие воинских чинов в любом виде политической деятельности, власти активно использовали войска для подавления вооруженных выступлений, массовых беспорядков, борьбы с боевиками и т.п. В этом контексте оппозиционная пресса упрекала армию в „бессилии против внешних врагов”, войне „со своим народом”, поддержке „антинародного правительственного режима”³⁰ и т. п.

С точки зрения кадровых офицеров, однако, ситуация представлялась иначе. Во-первых, происходившие события воспринимались ими как попытка уничтожения исторических и духовных основ бытия России, как „...движение позорное, антипатриотическое, антигосударственное и антирусское. Ибо лозунгом этого движения было поражение...”³¹.

Оставаться в стороне в подобной ситуации многие офицеры считали невозможным. „На совесть наших военных ляжет слишком тяжелый груз, если они не постараются сохранить за армией значение опоры государства...”,³² – писал в своем письме один из них. Большинство офицерского состава придерживалось мнения, что армия, независимо от того – извне или изнутри возникают угрозы государству – должна стоять на страже интересов и безопасности страны. Поэтому антиправительственные выступления (особенно во время войны с внешним противником) трактовались офицерством как измена Родине. Не случайно один из строевых офицеров писал, что борьба с революцией, „...терзающей нашу родину, является в настоящее время делом армии, делом в высшей степени

²⁸ В. А. К., *Мысли о Мукденских боях* [Thoughts of Mukden battles], in “Вестник русской конницы” [Bulletin of Russian Cavalry], 1906. № 14, с. 597.

²⁹ С. Толузаков, *Настроение в корпусе офицеров армии* [The mood in the body of the officers of the army], in “Разведчик” [The Scout], 1906, № 803, с. 203.

³⁰ А. А. Н., *Солдат и «свободы»* [The Soldier and the "Freedom"], in “Вестник русской конницы” [Bulletin of Russian Cavalry], 1906, № 8, с. 335.

³¹ В. В. Шульгин, *указ. соч.*, с. 43.

³² А. А. Н., *указ. соч.*, с. 337.

тяжелым и ответственным...”³³.

Во-вторых, именно на армию легла обязанность защищать мирное население от погромов, убийств, грабежей, происходивших в ходе революционных выступлений. Полиция, в силу своей малочисленности и слабого вооружения не могла в условиях массовых беспорядков предпринять должных мер по обеспечению общественной безопасности. Выше уже отмечалось, что число погибших от рук революционеров мирных граждан исчислялось тысячами.

Массовое распространение получили уголовные преступления, совершавшиеся участниками антиправительственных выступлений. Например, с января 1905 по июль 1906 г. только крупных ограблений по политическим мотивам было зарегистрировано почти 2 тысячи. При этом присвоение участниками ограблений „экспроприированных” денег было настолько распространенным явлением, что лидеры экстремистских организаций вынуждены были признать эту проблему публично³⁴.

Уже упоминавшийся высокопоставленный жандармский офицер А. В. Герасимов, говоря о событиях 1905 – 1907 годов, в показаниях следственной комиссии Временного правительства отмечал, что „многие организации, действовавшие под анархистским флагом, по своей идеологии не были революционными, а просто пользовались анархической риторикой для оправдания обычного бандитизма”³⁵.

Подобное явление отмечает один из современных исследователей истории Нижегородского края: „Не счесть числа экспроприаций, грабежей, вымогательств, подделок документов с их последующим использованием для различных махинаций, организованных эсерами...”, а также представителями других организаций „...вне зависимости от партийной принадлежности”³⁶. Более того, происходили и гораздо более серьезные

³³ С. Глинский, *Честь или позор* [Honor or Disgrace], in “Разведчик” [The Scout], 1906, № 834, с. 753.

³⁴ М. В. Савченко, *Провинциальная хроника революций начала XX века в России: алкогольный аспект (по материалам Пензенской губернии)* [Provincial Chronicle of Revolutions from the beginning of 20th century in Russia: issue of drunkenness (on the base of materials of the Penza province)] МГУ им. М. В. Ломоносова. Исторический факультет: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/lomweb01/savchen.htm> (дата обращения: 09. 11. 2014).

³⁵ Apud А. И. Суворов, *указ. соч.*, с. 59.

³⁶ Г. В. Набатов, *Нижегородская организация социалистов-революционеров* [Nizhny Novgorod Organization of Socialist Revolutionaries], in *История Нижегородского края*: <http://www.hist.nnov.ru/history/partis/11.html> (дата обращения: 09. 11. 2014).

преступления, по сути – террористические акты. Например, в северных уездах Витебской губернии совершались диверсии на железной дороге³⁷.

Происходили столкновения на национальной почве, и именно войска после соответствующего обращения гражданских властей пресекали или предотвращали их. Яркий пример тому – события в апреле 1903 г. в Кишиневе, когда после запоздалого обращения бессарабского губернатора Р. С. Фон Раабена армия сумела прекратить еврейский погром и задержать его участников (следует отметить, что несколько сот погромщиков, принявших участие в убийствах и грабежах еврейского населения, были осуждены). Р. С. Фон Раабен, проявивший растерянность и не обеспечивший своевременное привлечение воинских подразделений для восстановления порядка, был отправлен в отставку.

В ноябре 1905 г. минский губернатор П. Г. Курлов в специальном циркуляре предупредил полицейские власти об ответственности в случае „допущения погромов ... еврейских...” и непринятия „...предупредительных мер...”³⁸. Когда осенью 1905 г. в городе Белосток Гродненской губернии стали циркулировать слухи о предстоящем еврейском погроме, местные военные власти издали специальное постановление. В нем указывалось, что „всякая попытка произвести какой-либо беспорядок, будет подавлена самым беспощадным образом и что войска и полиция ..., всегда будут стоять на стороне порядка, не различая партий и национальностей”.³⁹

В июне 1906 г. еврейские погромы в Белостоке все же начались, вызвав столкновения погромщиков с вооруженными боевыми дружинами Бунда. В этой ситуации войска 6-го армейского корпуса пресекли и погромы, и столкновения⁴⁰.

Офицерство осознавало всю важность возложенной на армию миссии по защите населения. Как писал в своей статье участник тех событий, „защита населения от всякого насилия, от всякого посягательства на

³⁷ *Дело о наряде войск в помощь полиции, в связи с волнениями среди крестьян Витебской губернии* [The issue of distribution of army troops in order to support the police, in connection with unrests amongst peasants from Vitebsk province], Национальный исторический архив Беларуси (*infra* НИАБ), фонд 1430, оп. 2, д. 3786, л. 241, 242.

³⁸ *Циркуляры Департамента полиции о принятии мер по борьбе с революционным движением* [The Police Department Circulars on measures taken against the revolutionary movement], НИАБ, фонд 295, оп. 1, д. 7507, л. 35 об.

³⁹ *О введении в городе Белостоке военного положения* [On the Introduction of Martial Law in the city of Bialystok], Литовский государственный исторический архив (*infra* ЛГИА), фонд 378, 1905 г., д. 46, л. 75.

⁴⁰ “Разведчик” [The Scout], 1906, № 821, с. 551-552.

чужую жизнь, здоровье и достояние составляет священную обязанность армии". При этом он подчеркивал: „Не может быть различия, чьи жизни или имущество мы защищаем от насилия или разгрома. Для армии в России не может быть ни элина, ни иудея, каждый гражданин нашего государства имеет полное право требовать от нас защиты и помощи..."⁴¹.

В-третьих, использование армии в целях восстановления порядка определялось законодательством. Командующие войсками военных округов, в случае обращения к ним за содействием гражданских властей были обязаны выделять необходимые силы. Иными словами, поступал приказ, не выполнить который офицеры не имели права.

Со времен революции и до наших дней в адрес армии высказываются обвинения в необоснованном применении оружия против участников событий 1905 – 1907 гг. Подобные заявления, однако, не соответствуют исторической действительности: использование оружия при подавлении беспорядков строго регламентировалось *Правилами о призыве войск для содействия гражданским властям*. Военские части привлекались для наведения порядка лишь в случаях „недостаточности местных полицейских сил". До принятия этой меры гражданские власти были обязаны употребить для прекращения беспорядков все имевшиеся в их распоряжении средства „...и даже по прибытии вызванных войск сделать толпе последнее увещание". Только в случае безуспешности этого увещания гражданские власти уполномочивали „начальника военной команды принять меры к прекращению беспорядков". Тот, однако, не был обязан „немедленно приступить к действию оружием", а поступал „...по своему усмотрению всеми теми способами, которые признает соответствующими положению дела, прибегая и к увещаниям...". Если это не помогало, то в случае принятия решения использовать силу оружия, участники беспорядков трижды предупреждались об этом специальными сигналами. „По соблюдению всех этих условий..." неповинующиеся считались „достаточно предупрежденными", и, если и после этого беспорядки не прекращались, мог открываться огонь. То есть, оружие применялось только тогда, „когда никакими другими способами не представится возможным прекратить беспорядки"⁴².

Приведем несколько примеров. В октябре 1905 г. во Владивостоке произошел бунт запасных нижних чинов, недовольных тем, что их не выпустили по домам. Пьяная толпа начала грабить магазины и торговые

⁴¹ С. Глинский, *Честь или позор* [Honor or Disgrace], in „Разведчик" [The Scout], 1906, № 834, с. 753.

⁴² „Разведчик" [The Scout], 1906, № 801, с. 150.

заведения, разгромила базар. Бесчинства сопровождалась поджогами зданий, в результате чего „сгорела лучшая часть города”. Как отмечала пресса, беспорядки „приняли большие размеры потому, что власти, руководясь гуманными побуждениями, пытались прекратить их, не пуская в ход оружие”⁴³.

Как уже отмечалось выше, в ноябре 1905 г. произошло вооруженное выступление нескольких инженерных подразделений в Киеве. Вооруженная толпа численностью до тысячи человек двигалась по улицам, пытаясь присоединить к себе другие части и подразделения. Военное командование сосредоточило необходимые силы для противодействия восставшим, однако, оружие было решено, не применять: в результате столкновения могли пострадать жители города. Казакам, преградившим путь толпе на одной из улиц, во избежание кровопролития, было приказано пропустить ее. Представители военного командования, в том числе, командир 21-го армейского корпуса генерал-лейтенант Л. Л. Драке неоднократно пытались убедить солдат прекратить беспорядки и вернуться в казармы, но их усилия были напрасны. Когда восставшие подошли к казармам 45-го пехотного Азовского полка, сохранившего верность присяге и отказавшегося присоединиться к восстанию, из рядов мятежников прозвучали выстрелы в сторону пехотинцев. Только после этого были произведены три ответных залпа, завязалась перестрелка⁴⁴.

В ноябре 1905 г. начались волнения в одном из резервных батальонов в Ташкенте. После прибытия вызванных для восстановления порядка войск восставшим было предложено сложить оружие, однако они открыли огонь по правительственным силам. Ответный огонь побудил мятежников скрыться в казармах и вскоре сдаться⁴⁵.

В случаях, когда в бесчинствах участвовало гражданское население, офицеры оказывались в особенно сложной этической ситуации. Представляется, что именно этим обстоятельством вызывалась их нерешительность и ожидание указаний свыше в случаях, когда приходилось действовать против разношерстной толпы. Видимо, подметив эту тенденцию, командующий войсками Виленского военного округа генерал-лейтенант К. Ф. Кршивицкий в своем приказе указал, что подобное поведение демонстрирует „...боязнь взять на себя решение или даже растерянность испрашивающего приказаний”. В этой связи командующий потребовал „... в действиях войск, и особенно в случаях применения оружия... быстроты и

⁴³ *Ibid.*, 1905, № 788, с. 896.

⁴⁴ *Ibid.*, с. 896-897.

⁴⁵ *Ibid.*, 1906, № 797, с. 71.

решительности, без которых присутствие войск на местах беспорядков ведет лишь...к развитию самих беспорядков..."⁴⁶.

Бывали трагические случаи, когда офицеры погибали от рук участников беспорядков, пытаясь предотвратить столкновение между ними и войсками.

Между тем, сдержанная реакция военнослужащих порождала у нападавших чувство безнаказанности: отмечен ряд случаев, когда в воинские колонны и караульные помещения бросали ручные гранаты или когда из толпы по солдатам и офицерам открывался огонь. Чаще всего в войска бросали камни, грязь, кололи лошадей булавками, плевали солдатам в лицо и т. п., причем как действовать в подобных ситуациях, закон не определял. Так произошло, например, в „красное воскресенье” 9 января 1905 года, когда под влиянием революционной агитации примерно 140 тыс. жителей города пытались пройти к Зимнему дворцу, чтобы вручить императору свою петицию. Следует отметить, что законодательство того времени не предусматривало права подачи монарху петиций кем бы то ни было, кроме представителей дворянства. Более того, в соответствии с законом авторы петиций должны были привлекаться к ответственности.

Уже в наши дни Синодальная комиссия по канонизации святых (образована постановлением Священного Синода в 1989 г. согласно решению Поместного Собора Русской Православной Церкви 1988 г.), провела расследование событий 9 января. На основе ее материалов были сделаны следующие выводы: полицейские власти, „загнав себя в тупик принятым на совещании 8 января решением о разрешении массовых шествий рабочих на окраинах города и о недопущении их в центр, ... уже утром 9 января утратили контроль над ситуацией в столице...”. При этом даже не был назначен официальный представитель для приема петиции, хотя это могло в определенной мере разрядить обстановку (самого императора в столице не было, он находился в Царском Селе). „В результате лишь совершенно не подготовленные к борьбе с массовыми выступлениями гражданского населения воинские части оказались вынужденными противостоять шествию рабочих”. При этом военное командование считало, что переговоры с рабочими будут вестись представителями гражданских и полицейских властей. Переговоров, однако, не было, и многочисленные толпы, пренебрегая требованиями армейских командиров, проявляя открытую агрессию в отношении

⁴⁶ Приказ войскам Виленского военного округа № 18 [Order of the Vilna Military District, No 18], in *ibid.*, 1906, № 797, с. 71.

войсковых подразделений, стремились к центру города. В результате „...войские части, лишь выполняя имевшийся у них приказ не пропускать рабочих в центр города, вынуждены были повсеместно после троекратных предупреждений открывать огонь по игнорировавшим их требования рабочим. ... В сложившихся условиях ожидать от связанных присягой и приказом воинских частей каких-либо иных действий было бы совершенно немыслимо”⁴⁷.

Безусловно, вина в трагических событиях того дня лежит и на офицерах, отдававших распоряжения, однако в гораздо меньшей степени, чем на председателе кабинета министров С. Ю. Витте, правительстве и министерстве внутренних дел, не предпринявших должных мер для поддержания порядка и предотвращения столкновений. Весьма значительную роль в трагедии сыграли политические силы, своей агитацией подготовившие шествие, и своими действиями провоцировавшие столкновения между войсками и демонстрантами.

Количество погибших в столкновениях с войсками гражданских лиц в 1905 – 1907 гг. достоверно установить вряд ли возможно. Например, вопрос о числе жертв в ходе небывалых по масштабам событий 9 января 1905 г. и поныне является предметом разногласий. В источниках приводятся различные цифры: от 130 убитых и умерших от ран в официальных документах до 2-3 тысяч погибших в зарубежной прессе. Представляется, что наиболее достоверными являются следующие данные: погибших – от 150 до 200 человек, раненых – от 450 до 800⁴⁸.

Данные о том, сколько было жертв в ходе других столкновений между войсками и протестующими, отсутствуют. Известно лишь, что войска для восстановления порядка вызывались многократно. Так, в течение 1905 г. армейские подразделения вызывались гражданскими властями 3893 раза. Сколько раз при этом применялось оружие, неизвестно, как неизвестно количество погибших. Известно, однако, что в 1903 г. в Кавказском военном округе оружие применялось 18 раз, при этом было убито 17 человек и ранено 62. Потери среди военнослужащих – 1 убитый и 51 раненый⁴⁹.

⁴⁷ *Император Николай II и события 9 января 1905 года в Санкт – Петербурге* [Emperor Nicholas II and the Events of January 9, 1905 in St.-Petersburg], in “Православная газета”, 2003, № 32: <http://orthodox.etel.ru/2003/32/nikolaj.shtml> (дата обращения: 16. 11. 2014).

⁴⁸ *Ibid.*

⁴⁹ В. А. Петров, *Царская армия в борьбе с массовым революционным движением в начале XX в.* [Imperial Army in the Fight against the Mass-Revolutionary Movement,

Столкновения протестующих граждан с пехотными частями часто влекли за собой человеческие жертвы: оружием пехотинцев были винтовки со штыком, которые и применялись в случае неповиновения. Поэтому местные власти в лице губернаторов, а также представители министерства внутренних дел в случае массовых волнений и беспорядков предпочитали вызывать кавалерию, чаще сего, казаков. На разгон митингов, демонстраций, пикетов и т. п. они обычно направлялись без огнестрельного оружия. Против протестующих использовались, как правило, только нагайки, являвшиеся частью экипировки и предназначавшиеся для того, чтобы подстегивать коня. Такой нагайкой можно было нанести оглушающий удар, но не более того. Но даже нагайки использовались далеко не всегда, так как обычно толпа обращалась в бегство от одного вида несущейся со свистом, улюлюканьем и гиком казачьей конницы.

Объективность требует констатировать: в периоды открытого вооруженного противоборства, как это происходило, например, во время декабрьского восстания 1905 г. в Москве, были случаи расстрела лиц, у которых в момент задержания находили оружие. Вполне возможно и то, что иной раз страдали невинные люди.

Отметим, однако, что, подобный самосуд в офицерской среде осуждался. Во второй половине 1906 г., в разгар революции, когда по всей стране происходили вооруженные выступления популярный в офицерской среде журнал „Разведчик” опубликовал статью, посвященную проблеме участия офицеров в борьбе с революцией. В числе прочего, в ней порицалось насилие по отношению к невинным, или даже виновным, но обезоруженным. „Такие поступки, совершенные офицерами, должны иметь своим неизбежным последствием придание виновного суду общества офицеров, как за поступок явно несовместимый с понятием о воинской чести – доблести офицерского звания. Здесь лучше быть слишком строгим...”. Статья призывала офицеров не предаваться чувству мести и озлоблению, несмотря ни на какие преступления, совершаемые против военнослужащих, включая „жестокие и бессмысленные смертоубийства из-за угла”. Подчеркивалось, что армия должна действовать беспристрастно, „...лишь для государственной пользы, а отнюдь не из личных целей и побуждений”⁵⁰.

in the Early Twentieth Century], in “Исторические записки” [Historical notes], 1950, т. 34, с. 325.

⁵⁰ С. Глинский, *Честь или позор* [Honor or Disgrace], с. 753.

Судя по откликам на эту статью, она отразила мнение большинства офицерского состава Русской армии.

Заключение

В ходе событий 1905-1907 гг. армейское офицерство, за исключением отдельных лиц, не поддержало революцию. Соответствовала ли такая позиция интересам народа и государства – предмет отдельного и чрезвычайно непростого исследования, в большей степени относящегося к философии. В то же время, очевидным является тот факт, что, сохраняя верность присяге, офицеры находились в первых рядах тех, кто противостоял политическому насилию и экстремизму, широко распространенному в России в начале XX столетия. Тем самым офицерство способствовало восстановлению общественного порядка в стране, участвовало в защите жизни, имущества и достоинства граждан, вносило элементы стабильности в российское общество в целом.